

RU

Нравственный императив «благоговение перед жизнью» Альберта Швейцера в контексте вызова эпохи COVID-19

Горбунов С. С.

Аннотация. Цель настоящей работы - рассмотреть применимость оснований нравственного императива благоговения перед жизнью, предложенного А. Швейцером (1875-1965), в контексте этического осмысления борьбы с пандемией COVID-19, продолжающейся с 2020 года по настоящее время. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем проводится анализ соответствия мер, очевидно необходимых для профилактики и борьбы с инфекцией, вызвавшей пандемию, идее Швейцера о «безграничном» стремлении к сохранению и поддержанию любых форм жизни, находящемся в основе нравственного отношения. Полученные результаты показывают, что современная биомедицинская практика, направленная на борьбу с эпидемией COVID-19, не противоречит нравственному императиву благоговения перед жизнью, а напротив, следует ему.

EN

Albert Schweitzer's Moral Imperative "Reverence for Life" in the Context of Challenge in COVID-19 Epoch

Gorbunov S. S.

Abstract. The paper aims to consider the possibility to apply the basic ideas of the moral imperative "reverence for life" suggested by A. Schweitzer (1875-1965) in the context of ethical reflection on the struggle against the COVID-19 pandemic, which started in 2020 and has continued up until now. The scientific originality of the research lies in the fact that it analyzes whether the measures obviously needed to prevent and fight the infection which caused the pandemic are consistent with Schweitzer's idea of "endless" effort to keep and maintain every form of life which lies in the basis of moral relationship. The results show that the modern biomedical practice which aims at fighting the COVID-19 pandemic does not conflict with the moral imperative "reverence for life", but on the contrary follows it.

Введение

Начиная с февраля 2020 года мир вошел в период, который без тени сомнения можно назвать эпохой COVID-19 (по аналогии с предшествовавшей эпохой «доковидного» мира). В этой связи особенную актуальность приобрели те вопросы биоэтики, которые в предшествующий период находились на периферии философской дискуссии.

Актуальность работы заключается в том, что в центре внимания настоящего исследования находится вопрос о возможности применения нравственного императива благоговения перед жизнью, сформулированного более 100 лет назад Альбертом Швейцером, в условиях современной ситуации пандемии и связанных с ней сложностей, с которыми столкнулось человечество.

Теоретической базой исследования являются современные биомедицинские и биологические знания, биоэтические воззрения, взгляды А. Швейцера, изложенные им в фундаментальной работе «Культура и этика» («Философия культуры». Ч. II), а также в более ранних работах, среди которых особенно следует выделить две проповеди 1919 г. (16 и 23 февраля), посвященные проблемам нравственности. Методы исследования включали в себя дескриптивный, аналитический и этический подходы к исследованию концепции «благоговение перед жизнью» А. Швейцера. Практическая значимость исследования заключается в попытке обоснования применимости нравственного императива благоговения перед жизнью в борьбе с пандемией COVID-19.

Основная часть

Прежде всего следовало бы напомнить, в чем именно заключается нравственный императив Швейцера. В наиболее кратком, оригинальном виде он звучит следующим образом: "Ethik ist ins Grenzenlose erweiterte

Verantwortung gegen alles, was lebt» (Schweitzer, 2007, с. 309). / «Этика есть безграничная (продолженная в бесконечное. – С. Г.) ответственность за все, что живет» (Пугачева, 2021, с. 218). Если говорить чуть более подробно, то этическую концепцию Швейцера можно было бы рассмотреть как совокупность основного предположения (*гипотезы*), определения (*максимы*) и следствия (*императива*). Последний был уже приведен нами выше.

Гипотезой, в таком случае, является обобщающее предположение «Я – жизнь, которая хочет жить, я – жизнь среди жизни, которая хочет жить» (Швейцер, 1992, с. 217). Это предположение объединяет в себе все проявления жизни, исходя из единого критерия воли к жизни (Wille zum Leben), великой воли к жизни, «благодаря которой живет и сохраняется природа» (Швейцер, 1990, с. 130).

Максимой является утверждение (определение) «Добро – то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей» (Швейцер, 1992, с. 218) (или же, иными словами: «...добро состоит в сохранении жизни, ее стимулировании и усилении, а зло – в уничтожении жизни, нанесении ей ущерба и создании препятствий на ее пути» (Швейцер, 1992, с. 88)) и исходящее из него понимание недопустимости проявления зла.

Однако при этом в этической концепции Швейцера появляется огромное внутреннее противоречие, связанное с тем, что одна жизнь неизбежно должна подавлять и ограничивать другую для того чтобы развиваться и существовать самой (Горбунов, 2020; Gorbunov, 2021). В этой связи встает вопрос о том, какое принижение воли к жизни можно было бы считать допустимым. Особенно остро этот вопрос проявляет себя при решении проблем в области биологической и медицинской этики. Сам Швейцер (1992) не дает полноценного ответа, лишь говоря о том, что «в этических конфликтах человек может встретить только субъективные решения. Никто не может за него сказать, где каждый раз проходит крайняя граница настойчивости в сохранении жизни» (с. 223).

В этой субъективной оценке, предполагающей *постоянное этическое бодрствование* индивида, Швейцер (1992) находит этику: «Субъективная ответственность, и вглубь и вдаль уходящая в бесконечное, ответственность за всю жизнь, принадлежащую сфере влияния человека, которую постиг человек, ставший внутренне свободным от мира, и которую он пытается реализовать в жизни, – это и есть этика» (с. 216), – говорит он.

В связи с этим логично задаться парадоксальным для обыденного мышления вопросом о том, насколько вправе человек, проводя медицинские и санитарные мероприятия, принижать иную, нечеловеческую жизнь (англ. non-human life)? Ответ, казалось бы, очевиден: ради сохранения жизни человека возможно любое *неизбежное* принижение иной нечеловеческой жизни. Забегая вперед, скажем, что, по нашему мнению, этот ответ полностью соответствует нравственной идее Швейцера. Однако он происходит в первую очередь из чувственного восприятия – чувств эмпатии и идентичности.

Столкнувшись с пандемией COVID-19, человечество встретилось один на один с очередным проявлением жестокости природы, которой неведомы этические категории добра и зла. *Природа*, состоящая из «эгоистичных» (по знаменитому выражению Р. Докинза (2013)) единиц эволюции (генов, популяций и видов), *не знает этики* (хотя, было бы несправедливым отрицать, что некоторые организмы способны в значительной степени проявлять эмпатию и протозэтические действия (Де Вааль, 2014, 2016)). Швейцер (1990) говорит об этом так: «Природе все это неведомо. С удивительным упорством она порождает неисчислимые формы жизни и с поразительной беспечностью уничтожает их... сама жизнь выступает против жизни, причиняя страдания и смерть, невинная и в то же время виновная» (с. 131).

Швейцер хорошо понимал, о чем говорил. Слова, приведенные выше, были написаны и затем произнесены им в страсбургской церкви Св. Николая в феврале 1919 года. К тому времени Швейцер уже 6 лет проработал врачом в экваториальной Африке, спасая своих пациентов от малярии, сонной болезни, проказы и прочих инфекций.

Впоследствии (уже в другой проповеди – от 23 февраля 1919 года) он так осмысливал свой опыт:

«Природа прекрасна и удивительна, если наблюдать ее со стороны, но читать ее книгу страшно. Ее жестокость бессмысленна. Высшие формы жизни приносятся в жертву низшим. Однажды ребенок вдыхает бактерию туберкулеза. Он растет, развивается, но страдания и ранняя смерть сидят в нем, поскольку эти низшие существа размножаются в его благородных органах. Сколько раз в Африке меня охватывал ужас, когда я исследовал кровь человека с сонной болезнью. Почему мужчина сидел передо мной с искаженным страданием лицом и стонал: “О, моя голова, моя голова!” Почему он должен был плакать ночами и умирать в муках? Потому что там, под микроскопом, были видны тонкие, маленькие, бледные тельца длиной десять-четырнадцать тысячных долей миллиметра – ох, немного, зачастую их совсем мало, так что иногда приходилось искать часами, чтобы обнаружить хотя бы одно!

Таким образом через загадочное раздвоение воли к жизни одна жизнь противостоит другой жизни и причиняет страдание и смерть без вины виноватому другому живому существу. Природа учит ужасному эгоизму, прекращающемуся в существе на короткое время, лишь когда нужно любить и помогать жизни, происходящей от него, до тех пор, пока это необходимо. И то, что животное, жертвуя собой, до смерти любит своих детенышей, то есть способно к сочувствию, делает еще более ужасным тот факт, что оно лишено сочувствия к тем существам, которые не связаны с ним таким образом» (Schweitzer, 2001, с. 1241-1242) (пер. с нем. Н. П. Пугачевой, фрагмент публикуется с разрешения автора перевода. – С. Г.).

Признавал ли Швейцер этическую ценность за столь малыми формами нечеловеческой жизни, как микроорганизмы? Ответ однозначен, его мы находим в тексте его проповеди (1990) от 16 февраля 1919 г.: «Есть ли существенная разница между ученым, наблюдающим в микроскоп едва заметные признаки жизни, и полуграмотным фермером, который смотрит на почки, распускающиеся на ветвях в его весеннем саду? Оба наблюдают тайну жизни. Первый может описать ее явления со множеством подробностей, но и для него

она остается до конца не разгаданной» (с. 129). Следовательно, даже вирусы могут, по Швейцеру, нести с собой некоторую ценность, основанную на наличии у них воли к жизни, воли к развитию и способности к биологической эволюции. Для Швейцера это очевидно. Однако эта эволюция основана на принижении другой жизни.

Признание ценности за любой жизнью является поводом для критики этической идеи Швейцера. «Критиковать слабые стороны мировоззрения Швейцера не составляет труда. Мы имеем в виду не только его религиозномистические искания. <...> Призыв Швейцера оберегать любую форму жизни слишком абстрактен. Когда речь заходит о жизни смертоносных бактерий, то он вообще становится абсурдным. К счастью, у доктора из Ламбарене хватило здравого смысла быть непоследовательным и решительно уничтожить все то, что угрожало здоровью его пациентов» (Гулыга, 1971, с. 7).

Естественно предположить, что все живые существа делятся человеком по степени близости их к нему самому (по степени близости их биологического и психического устройства).

На безгранично отделенной высшей ступени для человека находится другой человек – соединенный с ним единым феноменом разума. Дальше находятся животные, которые способны испытывать близкие к нему эмоциональные чувства и демонстрировать их проявления. Еще дальше – организмы, не способные к чувственному подражанию человеку, и так вплоть до растений и микроорганизмов, с которыми человек не находит уже никакой чувственной связи.

Такое деление для человека естественно: «Человек жалеет прекрасную газель, убитую прекрасным леопардом, но кто же станет жалеть об исчезновении вируса оспы?» (Пугачева, 2021, с. 60). Однако с точки зрения этики благоговения перед жизнью это деление оказывается неверным, поскольку обходит стороной главное, объединяющее любые формы жизни, начало – стремление к развитию, сохранению и поддержанию жизни.

Но как быть, если одна жизнь в своей основе ввиду естественного, биологического закона существует лишь за счет принижения и уничтожения другой (к таковым можно отнести всех консументов и, например, также вирусы)?

Здесь следует вернуться к определениям добра и зла по Швейцеру: «зло – есть все, что принижает, разрушает или уничтожает жизнь». В таком случае принижение воли к жизни у жизни, в силу своей природы принижаяющей волю к жизни, становится злым ответом на зло, почти что «противлением злу насилем». Однако ключевым фактором здесь должна быть определена скорее *необходимость добра как стремления к сохранению жизни*. Парадоксальным образом добро в таком случае становится основанным на принижении воли к жизни, лежащей вне спасаемой. Это одинаково верно и для противовирусной терапии, и для комплекса мероприятий по вакцинации, и даже для банальной антисептики, не имеющей в обыденной жизни никакого отношения к пандемии.

Такое принижение воли к жизни, имеющее в своей основе стремление к сохранению жизни, нельзя осудить как преднамеренное зло. В этом и заключается разрешение ситуации в контексте этики благоговения перед жизнью. Однако для окончательного прояснения необходимо задаться вопросом об оправдании.

Швейцер (1992) прямо говорит о том, что его этика благоговения перед жизнью не приемлет компромиссов – «она признает добрым только то, что служит развитию и сохранению жизни. Всякое уничтожение жизни или нанесение ей вреда, независимо от того, при каких условиях это произошло, она характеризует как зло. Она не признает никакой практической взаимной компенсации этики и необходимости. <...> Человек становится более нравственным не благодаря идее взаимной компенсации этики и необходимости, а благодаря тому, что он все громче слышит голос этики, что им овладевает *все сильнее желание сохранять и развивать жизнь* (курсив мой. – С. Г.), что он становится все более твердым в своем сопротивлении необходимости уничтожения и нанесения вреда жизни» (с. 222).

Может показаться, что эти слова Швейцера говорят о его непримиримости по отношению к любому принижению жизни, которое человеческое мышление обыкновенно прячет для оправдания за завесой «необходимости». Но это далеко не так. Главным критерием для Швейцера является все же стремление к добру, к сохранению жизни (позитивная этика). Недаром он ставит это стремление в тексте перед отрицанием принижения жизни (негативная этика).

В многочисленных этических конфликтах, которые имеют естественную (природную, биологическую) причину, когда вопрос о сохранении, защите, поддержании жизни не может быть решен иначе, как через принижение иной воли к жизни, говорить о «необходимости» уже не приходится – скорее это лишь форма выражения стремления к сохранению жизни. Единственное, на чем настаивает Швейцер, – это логическое осознание принижения воли к жизни как вынужденного зла, пусть и для возвращения добра. Окончательная же оценка остается всегда за самим человеком как за субъектом этической воли. И в случае с борьбой с инфекцией эта оценка *естественна* и однозначна. *Сохранение жизни и здоровья человека – высшее благо!*

Таким образом, логический этический конфликт, к которому приводит рационалистическое мышление, растворяется в свете нравственного стремления к сохранению и развитию жизни, стремлению к миру и жизнеутверждению.

Стремление к сохранению человеческой жизни можно и следует назвать высшим проявлением гуманности. «Только в нашей борьбе за гуманность рождаются силы, способные действовать в направлении истинно разумного и целесообразного и одновременно оказывать благотворное влияние на существующие нравственные убеждения», – говорит Альберт Швейцер» (Цит. по: Пугачева, 2021, с. 228). Сегодняшняя борьба с пандемией, когда ценной становится каждая попытка сохранения жизни, препятствия ее разрушению, каждая попытка помощи или стремление к ней имеют важнейшую нравственную ценность для всего человечества. Этот шанс на нравственное изменение, который выпал человечеству в столь трагичное и суровое время, оно не вправе теперь упускать, ведь «самый страшный враг нравственности – равнодушие» (Швейцер, 1990, с. 130).

Заключение

Логическая ловушка, в которую, казалось бы, попадает мышление благоговения перед жизнью, находясь в объятиях вызова пандемии, вполне разрешима, если принять первенство позитивной этики стремления к добру (что мне в первую очередь *следует* делать) над негативной этикой запрета (чего я должен *не совершать*, чтобы не войти во зло). Нам представляется, что применение этого приема относительно этики Швейцера легко разрешает очевидный конфликт принижения воли к жизни низшего существа в угоду сохранению здоровья и жизни существа более развитого.

Несмотря на то, что, согласно Швейцеру, этическую (нравственную) ценность имеют все без исключения проявления жизни, естественное внутреннее побуждение человека – побуждение воли к жизни в нем самом – прямо диктует *необходимость* действий по сохранению и развитию другой жизни (тем более жизни человеческой!), при которой приходится совершать неизбежное в этом случае (по определению Швейцера) зло. Таким образом, логического противоречия в идее Швейцера на самом деле нет, если нравственный выбор индивида делается им осознано и исходит в своем основании все из того же принципа благоговения перед жизнью. Напомним, что сам Швейцер был врачом (проработав в построенной им больнице в Ламбарене много десятилетий – с 1913 г. по 1965 г. с учетом перерыва 1918-1924 гг.) и неоднократно (а скорее даже тысячекратно) решал задачу спасения высшей жизни за счет принижения воли к жизни у жизни иной, отнимающей жизнь по своей природе. Решал он ее, конечно же, в пользу своих пациентов, а не болезнетворных микроорганизмов, хотя и в тех признавал проявление феномена жизни.

На основании всего вышесказанного можно сделать главный вывод о том, что проведение современных биомедицинских и санитарно-защитных мероприятий никоим образом не противоречит этической идее Швейцера о благоговении перед жизнью, не дискредитирует ее, не может служить основанием для ее критики и находится в согласии с его нравственным императивом, поскольку реализует в себе прежде всего стремление к сохранению и развитию жизни.

Источники | References

1. Горбунов С. С. Внутренняя противоречивость этики Альберта Швейцера: недостаток или достоинство? // Вопросы философии. 2020. № 6.
2. Гулыга А. В. Предисловие // Носик Б. М. Швейцер. М.: Молодая гвардия, 1971.
3. Де Вааль Ф. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
4. Де Вааль Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
5. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ: CORPUS, 2013.
6. Пугачева Н. П. Методологические и онтологические основания современной этики жизни: дисс. ... д. филос. н. Пенза, 2021.
7. Швейцер А. Культура и этика // Швейцер А. Благоговение перед жизнью / сост. и послесл. А. А. Гусейнова, общ. ред. А. А. Гусейнова, М. Г. Селезнева. М.: Прогресс, 1992.
8. Швейцер А. Этика сострадания. Проповеди 15 и 16 / пер. с нем. В. Рынкевича // Человек. 1990. № 5.
9. Gorbunov S. S. The Will to Live in Conflict with Itself: On the Internal Contradiction in Albert Schweitzer's Ethical Idea // Schweitzer Institute Journal. 2021. № 1.
10. Schweitzer A. Kulturphilosophie Verfall und Wiederaufbau der Kultur. Kultur und Ethik. München: C. H. Beck, 2007.
11. Schweitzer A. Predigten 1898-1948. Werke aus dem Nachlaß / hrsg. von R. Brüllmann und E. Gräser. München: C. H. Beck, 2001.

Информация об авторах | Author information

Горбунов Святослав Сергеевич¹, к. филос. н.

¹ Пензенский государственный аграрный университет

Gorbunov Svyatoslav Sergeevich¹, PhD

¹ Penza State Agrarian University

¹ svy-gorbunov@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.10.2021; опубликовано (published): 20.11.2021.

Ключевые слова (keywords): благоговение перед жизнью; Альберт Швейцер; пандемия; вирус; reverence for life; Albert Schweitzer; COVID-19; pandemic; virus.